

УДК 001:316

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЗДАНИЯ КОДЕКСА ЭТИКИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

М.В. Черепанова

Томский политехнический университет

E-mail: cherepanovamv@tpu.ru

Рассмотрены философско-методологические проблемы разработки кодекса этики научного сообщества. Обозначены перспективы их решения на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова:

Кодекс этики, мораль, право, научное сообщество.

Key words:

Code of ethics, morality, law, scientific community.

Институционализация этических норм российского научного сообщества принадлежит к числу приоритетных направлений его развития. Важность ее определяется, *во-первых*, потребностью в самоорганизации, а *во-вторых*, необходимостью регуляции динамических отношений, существующих между наукой, как постоянной социальной деятельностью, в которой рождаются культурные и цивилизационные продукты, и обществом. В этом процессе важная роль, наряду с формированием контролирующих экспертных организаций, отводится созданию этического кодекса – свода предписываемых к исполнению нравственных принципов, ценностей и норм, не подкрепленного репрессивным аппаратом, но обеспечивающего полное, обобщенное и системное регулирование внутренних и внешних отношений конкретной социальной группы. Проработанная система поведенческих координат призвана сориентировать ученого в современном мультикультурном и мультиморальном мире. Хотя отдельный документ не может включать абсолютно все моральные установки, так как априори это «лишь дробь абсолютного совершенства, подмена целостного идеала частичным» [1. С. 85], он имеет вполне ясную цель – соблюдение ряда правил, приверженность известным ценностям.

Важность и актуальность создания кодекса этики подтверждена многолетним опытом мирового научного сообщества. Глобальная этическая обсерватория ЮНЕСКО [2] на сегодняшний день содержит данные о 151 официально зарегистрированном кодексе поведения ученых (российских среди них нет). Эти документы отличаются по назначению (регулирующие, вдохновляющие, образовательные) и по охвату (региональные, национальные, глобальные), они отражают не только общечеловеческие моральные принципы, но и традиции, выкристаллизовавшиеся в рамках национальных научно-исследовательских школ, и выполняют важнейшие функции, среди которых выделяются регулирующая, мировоззренческая, гносеологическая и коммуникативная.

На V Всемирном научном форуме «Меняющийся научный ландшафт», проходившем 17–19 ноября 2011 г. в г. Будапеште, помимо проблем размежевания, неравномерного регионального распределения знаний и других вызовов, с которыми сталкивается современная наука, в очередной раз обсуждалась необходимость внедрения универсального кодекса и универсальных правил, обращенных к правам, свободам и обязанностям исследователей. Ответственное и безупречное поведение ученых должно быть поддержано государственными структурами и национальным законодательством. В кратчайшие сроки необходимо выработать новую, эффективную политику в области науки на национальном, региональном и глобальном уровнях. Следует укреплять диалог между наукой и обществом, делающий науку более демократичной, привести в соответствие системы высшего образования, а также содействовать глобальному и региональному научно-техническому сотрудничеству на основе равенства и участия. Одобрение этих положений представителями научной элиты ряда государств обозначило очередной шаг на пути внедрения этических принципов в область фундаментальной и прикладной науки [3, 4]. Попытка создания универсального кодекса нацелена на интеграцию мировой науки, преодоление этического релятивизма, возникшего вследствие того, что различные своды, регламентирующие поведение в рамках того или иного научного сообщества, уже существуют практически во всех странах мира.

Поэтому именно сейчас представляется возможным объединить опыт зарубежных коллег с последними тенденциями развития мирового научного сообщества, собственными национально-культурными традициями и на этой основе разработать и внедрить кодекс этики российского научного сообщества. Существует, однако, ряд философско-методологических проблем, решение которых должно предшествовать реализации проекта. Недостаточно ведь просто четко сформулировать правила, нужно сделать так, чтобы кодекс соответствовал критериям эффективности (например,

А.И. Пригожин назвал таковыми конкретность, выполнимость, практическую применимость, интенциональность [5. С. 38]). С подобными преградами неизменно сталкивается каждый, кто предпринимает попытку упорядочить сферы морали и нравственности, приводя их в строгую этическую систему, выделим ключевые из них.

Первой проблемой, минимальным условием создания эффективного этического кодекса является, как ни парадоксально, наличие морали. Не абстрактного понятия, а конкретной системы норм и ценностных представлений, определяющих и регулирующих поведение человека. Необходимость ее наличия связана с исторически сложившимися вариантами возникновения этических кодексов. Таковых было два. Первый — кодекс создается властными структурами и уже в готовом виде предписывается к исполнению. Во втором случае внутри самой социальной группы выстраиваются правила поведения, которые затем систематизируются отдельным человеком или группой людей. Последний вариант является более естественным, более эволюционным, поэтому уровень «приживаемости» его порождений выше. А так как научное сообщество соединяет в себе черты не только профессиональных, но и корпоративных групп, для которых горизонтальная структура более приемлема, чем иерархическая, ему присущ именно этот путь создания кодекса: наличие неписаных правил поведения, безоговорочно принимаемых всеми участниками сообщества, становится залогом успеха.

Однако при этом возникает резонный вопрос, если в научном сообществе уже выработаны некие негласные нормы, обеспечивающие выполнение регулятивной функции, зачем необходим этический кодекс?

Ответ кроется в необходимости четкой артикуляции выработанных норм, которая приведет к целому ряду положительных последствий. Этический кодекс оптимизирует стихийно протекающие процессы, наметит тенденции и задачи развития, четко обоснует и систематизирует существующие установки опытным членам сообщества, а новым участникам позволит не «слепым» путем, методом проб и ошибок, а осознанно походить к выполнению принятых правил. Кроме того, наличие кодекса этики является серьезным аргументом в диалоге с обществом, повышающим профессиональный авторитет и создающим положительный имидж ученого.

Конечно, существует вариант, при котором правила, исповедуемые научным сообществом, достаточно выкристаллизовались, и тогда этический кодекс призван способствовать их окончательному утверждению. В такой ситуации целесообразно прибегнуть к майевтике, то есть обратиться к помощи специалистов, занимающихся философским анализом этической проблематики. В России на сегодняшний день одной из ведущих школ, разрабатывающих это направление, является научно-исследовательский институт прикладной этики

ТюмГНГУ. Участие экспертов по этике поможет избежать еще одного подводного рифа — излишней узости кодекса, отрыва его от ценностных установок, выходящих за пределы профессионально-корпоративных интересов. Зачастую конкретность требований практически приравнивает такие кодексы по содержанию к техническим инструкциям. Рассмотрение науки стало возможно исключительно в социально-культурном контексте, а мораль ученого воспринимается как «инобытие морали человеческой». Это предопределяет необходимость соответствия кодекса общей этике, то есть включение в него известных всем принципов, спроецированных на профессиональную деятельность («не укради» — отрицание плагиата, «не лги» — неискажение научной истины и т. д.). Какими бы специфичными не были нравственные требования к представителям научного сообщества, они всегда будут иметь соответствующий аналог в общечеловеческой морали. Так, мораль сообразуется со специализацией общественных институтов, создает новые формы, позволяющие ей сохранять свое значение.

Второй сложностью создания этического кодекса является несоответствие его «классического» варианта современным реалиям: следует предвидеть, что в рамках современного общества, находящегося в условиях постоянного изменения, существование строго упорядоченных и формализованных кодексов может стать тормозящим фактором для личностного и профессионального роста ученого. Главный аспект этой проблемы заключается в том, что мораль и нравственность не могут быть раз и навсегда жестко закреплены в каких бы то ни было формах, и существование этических кодексов только подтверждает этот тезис, т. к. они являются собой лишь черту — итоговую и одновременно стартовую, дающую отправной посыл к разработке новых, более совершенных образцов поведения. Это тем более обоснованно, что современное общество гораздо более динамично, чем доиндустриальное, в условиях которого были разработаны исторически первые кодексы.

Каждый день жизни несет новые изменения, и поэтому трудно обеспечить детальную детерминацию человеческого поведения, будь то повседневная жизнь или профессиональная деятельность ученого. А, следовательно, кодексы должны видоизменяться: как порождение классической культуры они призваны заключать в себе итог накопленных научным сообществом ценностных установок и норм поведения, а как дань постмодерну — оставлять пространство для реализации свободы личности. Абсолютизация жесткой моральной регуляции не может стать достойным разрешением возникающих противоречий. Превращение ученых в адептов канонизированных догм неприемлемо. Одна из заповедей служителя науки заключена в том, что ученый — человек, свободный даже от самого себя. Свобода совести и убеждений выступают в качестве важнейшей этической доминанты познавательной деятельности исследователя.

Необходим поиск компромисса, нацеленного на сочетание достижений классической и неклассической культуры, в частности возможно составление кодексов, дающих лишь магистральное направление, но не претендующих на всеохватность формулировок. Так появляется пространство для реализации свободы, не выходящей за пределы общечеловеческих норм и ценностей. М.А. Можейко в данной ситуации говорит о переходе от «этики кодекса» к «этике творчества» [6], направленном на иное понимание нравственного сознания и морального действия и стремящегося к выработке особого сценария морального поведения для каждого конкретного случая. Но для того, чтобы подобный переход свершился, нужно время, в течение которого действия людей должны соотноситься с некоторыми незыблемыми принципами, образцы оных и должен представлять этический кодекс.

Для такого кодекса представляется необходимым соединение двух основных черт: иерархической структуры (предполагающей непререкаемую интенцию к идеалу), свойственной для классического периода культуры, и магистральной вариативности, представляющей собой порождение эпохи постмодерна. Включение первого пункта обусловлено тем, что именно нормативность является «специфической онтологической характеристикой культуры» [7. С. 13], которая всегда есть ориентация на нечто абсолютное, здесь-и-сейчас-невозможное и предполагает постоянную творческую переработку сложившейся ситуации с целью её преобразования в иное, высшее состояние. То есть, чтобы кодекс стал не просто техническим документом, но обрел принадлежность к сфере культуры, необходима его направленность на трансформацию наличного бытия. Это требует включения в его структуру идеала, как высшего уровня экзистенции, обеспечивающего интенциональность развития личности, а вместе с ней и культуры. Вариативность осуществления моральных императивов внутри магистрального направления станет основой для выработки в дальнейшем принципиально иной системы ценностей.

Следующей проблемой, сопровождающей создание этического кодекса научного сообщества, является его пограничное положение на водоразделе морали и права – двух особых форм социальной регуляции. «Как объяснить тот странный факт, что человеческое поведение, человеческая воля и отношения между людьми подчинены не одному, а двум разным законодательствам, которые по своему содержанию в значительной мере расходятся между собой, что ведет к различным трагическим конфликтам в человеческой жизни?», – этот вопрос является неизменной темой дискуссий в среде философов и правоведов [8. С. 91]. Вследствие того, что вопрос однозначной принадлежности этических сводов к одной из упорядочивания общественных отношений очень сложен, часто создаются «этико-правовые комплексы», в край-

нем случае, происходит сведение моральности к легальности. Это лишает этический кодекс ряда существенных характеристик, обусловленных свободой, как ключевым свойством моральной сферы.

Какими же чертами должен обладать этический кодекс, чтобы оставаться в области морально-нравственной регуляции, не превращаясь в правовой свод? Для понимания этого вопроса стоит обратиться к различению морали и права, проведенному некогда В.С. Соловьевым. Данной проблеме целиком посвящена работа «Нравственность и право». Полагая означенные в заглавии феномены неразрывно связанными, философ в то же время выделяет три основных положения, лежащие в основании их различия.

В первую очередь отмечается несомненно больший объем нравственной сферы по сравнению с правовой. Ограниченность права обусловлена тем, что оно претендует лишь на достижение обязательного для всех минимального уровня нравственного состояния и не требует от человека большего. В то же время нравственная сфера безгранична по своей сути, так как предполагает постоянное стремление к идеалу.

Второе существенное отличие коренится во внепредметности нравственности и, соответственно, опредмеченности права. Собственно мораль не предписывает никаких конкретных действий по ее осуществлению (хотя и не запрещает их), тогда как закон «имеет своим предметом реальные внешние действия, совершение и задержанием которых этот закон удовлетворяется вполне» [9. С. 33].

Третий пункт говорит о том, что нравственность свободна в своих основаниях и не приемлет никакого принуждения, будь то физическое или психологическое, а реализация правовых положений на практике, в свою очередь, предполагает обязательное сопровождение означенных норм системой принудительных мер. Следовательно, этический кодекс имеет основания называться таковым, если, *во-первых*, он содержит не только «минимум морали», но и направляет движение индивида к высшим ценностям, а *во-вторых*, не подкреплен репрессивным аппаратом, то есть носит не обязательный, а рекомендательный характер. Пограничность же его проявляется в том, что он делает явными внутренние моральные установки, превращая их во всеобщий императив.

С этой точки зрения, многие из уже созданных и функционирующих кодексов, не являются подлинно этическими. Например, Принципы научной этики, разработанные и принятые Сенатом Общества Макса Планка (Германия) [10], являются обязательными для всех работающих в составе организации ученых. Кодекс регламентирует порядок действий, применимый при подозрении в нарушении научной этики; перечень поступков, квалифицируемых как нарушение научной этики и возможные санкции или последствия за ее нарушение. Наличие системы мер, начиная от дисциплинарного взыскания, заканчивая расторжением кон-

тракта, говорит о том, что этот свод близок к формальным правовым. Хотя составители и подчеркивают, что «окончательные решения должны приниматься с учетом обстоятельств каждого конкретного случая ... следует учитывать степень серьезности каждого доказанного нарушения научной этики», некоторая оценочная вариативность (свойственная, кстати, и системе правосудия), не дает кодексу преимуществ, обусловленных свободой как существенной чертой моральной сферы.

Распространено мнение, что резкая очерченность этического кодекса является следствием его разнородности: он может воплощать «мораль стремления» либо «мораль долга» (часто на этой основе выделяют два уровня – нормативный и ценностный). Мораль стремления наиболее ярко выражена в нацеленности на совершенство, самую полную реализацию человеческих сил. Она закладывает базовые нормы, без которых упорядоченное общество невозможно. А. Смит для разъяснения подобного различия использует такой образ: мораль долга «можно было бы уподобить правилам грамматики»; мораль стремления – «правилам, установленным критиками для оценки изящества и совершенства произведения».

Правила грамматики предписывают, что необходимо для сохранения языка как инструмента коммуникации точно так же, как нормы морали долга предписывают, что необходимо для общественной жизни. Подобно принципам морали стремления, принципы хорошего письма «смутны, неопределенны и неизвестны и скорее представляют общие понятия о достоинствах, к которым следует стремиться, чем дают средства и правила их достижения» [11. С. 137]. Но уподоблять этические принципы научной деятельности правилам грамматики, хоть и ясным, но не несущим интерпретационного потенциала, значит исключить из нее субъекта, ученого – центральное, смысловое ядро, позволяющее науке оставаться источником знания, а не информации. Это приведет не к упорядочиванию морали, а к ее гибели. Науке необходим «эйдос норм» [12. С. 321], воплощенный не в технологических инструкциях, а в Кодексе этики Ученого.

Обратимся к точке зрения Н.А. Бердяева, утверждавшего, что идеал человека не может быть только профессиональным, это должен быть идеал личности. По его мнению, на смену прежним целостным идеалам мудреца, святого и рыцаря пришел

ряд дробных образов, складывающихся из множества узконаправленных интересов и умений, пронизанных духом буржуа, который знаменует собой победу социальной обыденности. Подобное положение вещей приводит к потере личностью своего основополагающего свойства, своей свободы, и вместе с тем индивидуальности под давлением внешней действительности. Помочь преодолению этой ситуации может только творческая самореализация. «Творческое признание человека может осуществляться в самых разных сферах и в разных профессиях и специальностях, но самый образ человека-творца не есть образ профессиональный, не есть образ ученого или артиста, политика или инженера» [13. С. 210].

Формирование свободной, творческой, и в то же время высокоморальной личности является процессом гораздо более сложным, нежели внешнее упорядочение взаимоотношений на основе этикетных и правовых норм. Отправной точкой в ее образовании могут стать университеты, в которых базовая профессиональная подготовка сопровождается преподаванием гуманитарных дисциплин, призванных донести до каждого будущего ученого идею ответственности перед наукой и обществом. Именно нравственная культура личности является ключевым звеном любой этической системы.

Итак, создание кодекса этики ученого, закрепляющего аксиологические основания научно-исследовательской деятельности, является не только важной и необходимой, но и достаточно сложной задачей. При ее решении необходимо учитывать ряд моментов, таких как: опора на существующие традиции и правила чести, выработанные в ходе естественного развития исследовательской практики; принадлежность кодекса сфере морали и нацеленность его на воплощение идеала; понимание динамики изменений современного мира и сохранение вариативности осуществления моральных установок; а также личностный характер, позволяющий превратить кодекс в индикатор нравственного самосознания субъекта научной деятельности. Означенные пункты не исчерпывают всего многообразия философско-методологических вопросов, встающих перед создателями этического свода, но могут стать основой для всесторонней детализации и более глубокого анализа данной проблематики на междисциплинарной основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
2. Глобальная этическая обсерватория ЮНЕСКО // Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. 2012. URL: <http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/global-ethics-observatory/access-geobs/> (дата обращения: 20.01.2012).
3. Edward W. Lempinen Leaders at World Science Forum Seek New Era of Cooperation // Science. – 2011. – № 334. – P. 1659.
4. Declaration of the Budapest World Science Forum 2011 on a New Era of Global Science // World Science Forum. 2011. URL: www.sciforum.hu/declaration/index.html (дата обращения: 17.01.2012).
5. Пригожин А.И. Российский этос: обогащение или лечение? // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2. – С. 29–41.
6. Можейко М.А. От «этики кодекса» к «этике творчества»: трансформация нравственного сознания в современной культуре // Электронная библиотека Международного Центра Рерихов.

2010. URL: <http://lib.icr.su/node/1239> (дата обращения: 27.08.2010).
7. Аванесов С.С. Нормативность культуры // Дефиниции культуры: Сб. трудов участников Всеросс. семинара молодых ученых. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. – Вып. VIII. – С. 12–15.
  8. Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
  9. Соловьев В.С. Право и нравственность. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 190 с.
  10. Нормы научной этики общества Макса Планка // Наука в Сибири. – 2002. – № 4–5. – С. 8.
  11. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 352 с.
  12. Черникова И.В. Философия и история науки. – Томск: Изд-во НТЛ, 2011. – 388 с.
  13. Бердяев Н.А. О назначении человека. – М.: Республика, 1993. – 382 с.

Поступила 26.01.2012 г.

УДК 001.2

ТОТАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ

А.П. Чубик

Томский политехнический университет
E-mail: chubikap@tpu.ru

Показано изменение статуса коммуникации в современном обществе на основании все более популярного понятия «симуляция», направленного на создание искусственных потребностей в рекламе и положительного политического облика баллотирующегося на тот или иной пост кандидата. Было обнаружено, что вместо ожидаемого диалога рождается тотальная манипуляция, имеющая целью скрыть действительность под маской ожиданий.

Ключевые слова:

Общество, коммуникация, искусственная потребность, тотальная манипуляция.

Key words:

Society, communication, artificial demand, total manipulation.

Современная культура акцентирует внимание на исключительном статусе коммуникации и коммуникативных технологий в обществе. Широко распространены термин «взрыв коммуникации», который переносит акцент на управление, организацию коммуникативных процессов. Коммуникация (лат. *communication* – сообщение, передача) представляет собой действие, сознательно ориентированное на его смысловое восприятие. Суть коммуникации состоит в том, что участники коммуникативного процесса, владеющие нормами семиотической системы, стремятся осмыслить информацию, выражающую смысл ситуации в элементах определенной семиотической системы, а так же мотивы и цели, определяющие характер, смысл и направленность данного процесса, и наконец, сам процесс передачи информации.

В рамках философских исследований языка и знаковых структур было радикально трансформировано понимание природы коммуникации, возникли новые подходы к ее исследованию и организации. Так Н. Луман, обращаясь к проблеме коммуникаций, вводит понятие «саморференции» как того, что определяет тождественность системы через отношения между ее элементами; только внутри системы может быть установлено, что к ней относится, и что ей принадлежит [1]. Коммуникация предстает в таком подходе как ограничитель, допустимый в системе отношений. Понятие коммуникации у Н.

Лумана тождественно определению социального: с помощью коммуникации система выделяет себя из среды и отличается от всего, что не является коммуникацией, она служит и элементом, и операцией системы, коммуникация о коммуникации создает самописание общества и одновременно воспроизводит его. Для того чтобы коммуникация могла заниматься сама собой, она должна быть достаточной степени сложности, язык же обеспечивает структурное соединение коммуникации и сознания. В данной интерпретации можно обнаружить базовую характеристику тотальности коммуникации, которая даже без учета глобальных культурных изменений современного общества, всегда присутствовала в обществе: это ее социальные корни (ведь задача коммуникации воспроизводить имеющуюся структуру, а это даже в большей степени присуще первобытному строю, где воспроизведение одних и тех же культурных стереотипов воспринималось как должное) и языковая природа, а язык сам по себе является тотальностью по отношению к человеку, потому что его структура и содержание определяют осмысление субъектом себя и окружающего мира. Коммуникация при таком подходе оказывает то же влияние на человека, что и тоталитарный режим, задавая влияние на всех уровнях его бытия. Однако современная коммуникация выстраивается на более сложных и неоднозначных основаниях, которые следует изучить, прежде чем что-то утверждать.